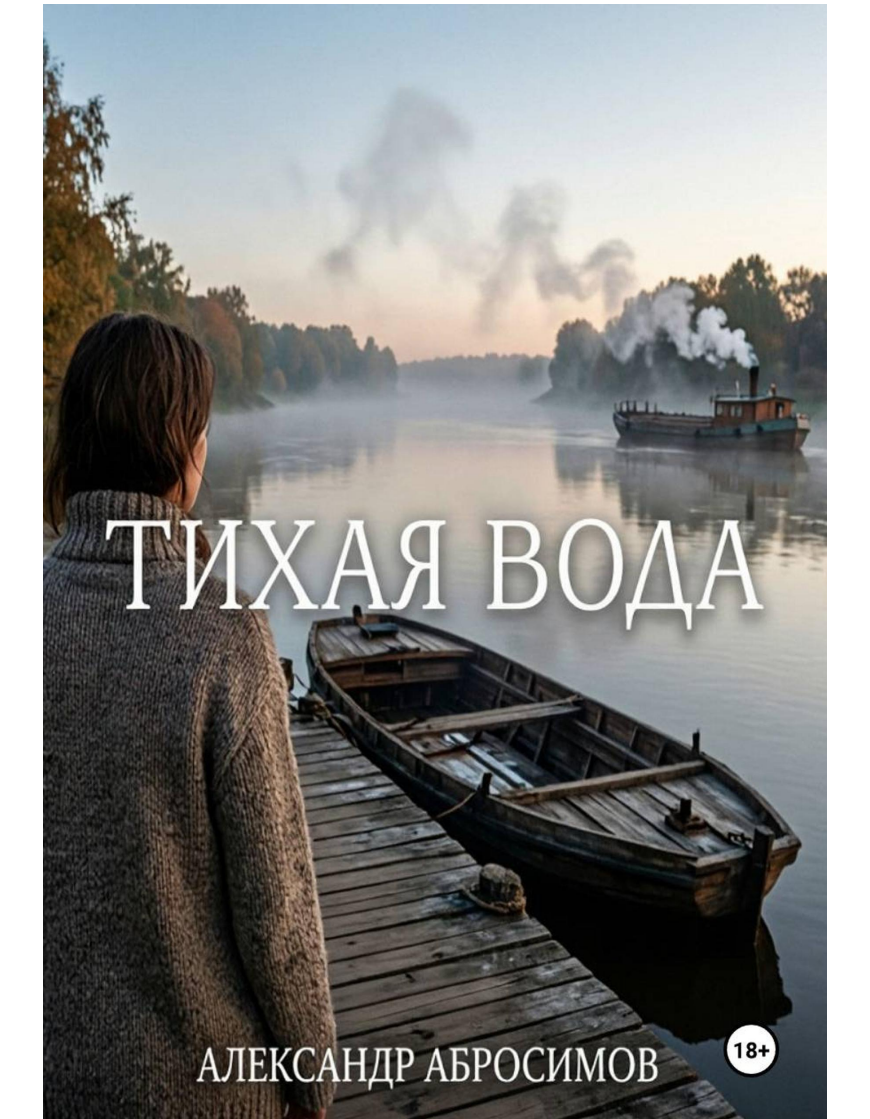

ТИХАЯ ВОДА

АЛЕКСАНДР АБРОСИМОВ

18+

Александр Абросимов

Тихая вода

<https://litres.ru/74197037>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, если великий повар теряет вкус, значит, он потерял душу. Для Анны точкой невозврата стала ночь, когда запах горелого масла стал вызывать тошноту. Спасаясь от банкротства и самой себя, она бежит туда, где нет ресторанов со звездами Мишлен — на старую речную баржу в глухой провинции. Здесь правит бал Марк — человек с руками, пропахшими дизелем и речной тиной, который презирует городские амбиции.

Их встреча пахнет не трюфелями, а мокрым деревом и неизбежностью. Когда начнется ледостав, а деревню отрежет от большой земли, выбирать придется не между двумя мужчинами, а между жизнью и существованием. Это история о том, как истинная любовь лечит ожоги прошлого не словами, а простыми действиями. Роман о силе тихой воды, способной выдержать любое течение, и о женщине, заново научившейся чувствовать мир на кончиках пальцев.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Ржавчина на борту	9
Глава 2. Штормовой шквал	20
Глава 3. Чужой фарватер	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Абросимов

Тихая вода

Пролог

Холод въедался в кости даже сквозь толстые подошвы кроксов. На кухне ресторана «Облако» всегда поддерживали строгие плюс шестнадцать, но сейчас здесь было морозно, как в склепе. Анна стояла неподвижно посреди разгромленного алтаря высокой кухни. Лунный свет падал сквозь панорамные окна, выхватывая из темноты сюрреалистичную картину падения: перевернутые медные сотейники валялись на полу, словно сброшенные панцири мертвых насекомых; белоснежная плитка стен была забрызгана застывшим жиром и чем-то темно-бордовым.

В воздухе висел густой, сладковатый запах тления. Три дня назад прорвало трубу холодильной камеры. Мясо протухло, морепродукты превратились в слизь. Но Анна не чувствовала вони. Уже третий месяц ее мир был лишен запахов жестокий подарок нервной системы за год работы по восемнадцать часов в сутки. Стресс выжег рецепторы дотла. Она знала, что там пахнет смертью и аммиаком, только потому что виде-

ла зеленоватый налет на туше ягненка. Ее тело помнило этот запах, и желудок судорожно сжался, подкатывая желчь к горлу. Сенсорная депривация оказалась страшнее самой катастрофы: она лишила ее главного оружия.

Она сделала шаг. Подошва скользнула по чему-то гладкому. Осколок толстого бокала для вина хрустнул, впиваясь в резиновую подошву, а затем и в плоть. Теплая кровь медленно поползла по своду стопы, смешиваясь с жирной грязью пола. Боль была тусклой, далекой, словно чужой. Анна посмотрела вниз без всякого выражения. Красное на сером. Просто еще один цвет в палитре этого краха.

Ресторан «Облако», ее единственный ребенок, умирал в тишине. Ни гула вытяжки, ни звона ножей, ни шипения раскаленного масла. Только мерное капанье воды из неисправного крана над мойкой. Кап. Кап. Кап. Отсчет пульса покойника. Три месяца назад критики назвали их кухню открытием года. Неделю назад инвесторы отозвали транш. Сегодня утром судебный пристав опечатал двери, оставив шеф-повара внутри собирать осколки.

Анна закрыла глаза, пытаясь найти внутри хоть искру того огня, который когда-то сделал ее лучшей. Пустота. Выгорание до состояния серого, холодного пепла. Она больше не могла спасти никого и ничего. Да-

же себя. Ей хотелось лечь прямо здесь, среди битого стекла и гниющего мяса, и позволить холоду забрать остатки жизни.

Резкий электронный треск разорвал мертвую тишину. Старая кнопочная «Нокиа», которую она держала только для связи с поставщиками, прыгала по металлической столешнице от вибрации. Номер был скрыт, но программа определителя высветила имя, которое Анна хотела бы забыть навсегда.

Илья.

Бывший партнер. Человек, чье предательство три года назад разрушило ее первую попытку построить империю. Тот самый Илья, который теперь владел сетью успешных семейных кафе и улыбался с обложек деловых журналов.

Палец нажал кнопку приема вызова сам собой, почти против воли. Слушаю, голос прозвучал хриплым карканьем вороны.

На том конце провода выдержали идеальную паузу. Илья умел держать паузы так же виртуозно, как Анна умела работать с текстурами соусов. Я слышал про твою маленькую аварию с мясником, Аня, его тон был бархатным, обволакивающим, полным лживого сочувствия. Говорят, санэпидемстанция выписала тебе волчий билет. Это дно, родная. Абсолютное карьерное кладбище.

Анна молчала, глядя на свои руки. Ногти были обломаны до мяса, костяшки сбиты. Руки рабочего, а не творца.

Хватит истерик, продолжил Илья, перестав играть в эмпатию. У меня есть для тебя работа. Оплата почасовая, социальный пакет отсутствует. График адский. Жилье гамак или рундук. Зато полная анонимность. Никто из наших общих знакомых тебя там не найдет.

Он замолчал, давая ей переварить унижение. Работа? После звезды Мишлен? Посудомойкой? Что именно? выдавила она.

На реке стоит старый дебаркадер. «Тихая заводь». Дыра дырой, держит его какой-то местный медведь по имени Марк. Им нужна рабочая сила на сезон навигации. Чистить рыбу, драить палубу, мыть посуду после пьяных речников. Зарплата копеечная, зато крыша над головой и река вокруг. Никаких журналистов. Никаких инвесторов. Полная сенсорная депривация наоборот будешь нюхать рыбу вместо трюфелей.

Предложение звучало как приговор. Спуститься с небес на самое дно пищевой цепочки. Из королевы кухни стать прислугой на ржавой посудине. Бежать из столицы в такую глушь, где нет даже стабильного интернета.

Но альтернатива была одна окончательно сойти с ума в этой ледяной могиле собственного успеха.

Когда выезжать? спросила Анна, механически вытаскивая осколок из своей ноги. Кровь брызнула чуть сильнее.

Водитель будет ждать тебя через два часа у северного вокзала. Возьми только паспорт. Твои золотые ножи ему не понравятся.

Связь оборвалась. Гудки отбоя показались Анне звуком спускаемого курка.

Она посмотрела на разгромленную кухню в последний раз. Затем развернулась и пошла к служебному выходу, оставляя кровавые следы на белом кафеле. Перемены начались. Впереди была только мутная вода, тяжелый физический труд и мужчина по имени Марк, который, скорее всего, возненавидит ее с первого взгляда. Впервые за долгие месяцы Анна почувствовала не страх, а глухое, тяжелое облегчение. Здесь, среди запаха смерти, ей уже нечего было терять. Значит, можно было наконец начать дышать.

Глава 1. Ржавчина на борту

Вода здесь пахла иначе.

Когда бронированный внедорожник Ильи, за рулем которого сидел безликий охранник, остановился у кромки гниющих деревянных мостков, Анну ударило запахом стоячей воды, мазута и мокрого железа. Это была не стерильная минеральная нота водопроводной воды в Москве и не соленый йод океана. Это был запах живой, больной, глубокой реки тяжелый, темный, густой. Он лез в легкие через приоткрытое окно машины, оседая на языке металлическим прикусом.

Илья высадил ее прямо на скользкие доски, швырнув под ноги потертый брезентовый рюкзак с ее вещами. Дальше сама, городская, бросил он, даже не опустив стекло до конца. Марк предупрежден. Если выживешь неделю поговорим о твоём будущем. Если нет я хотя бы повеселился.

Машина сорвалась с места, обдав Анну веером грязных брызг, и скрылась за поворотом берега, оставив после себя лишь тишину, нарушаемую криком чаек и скрипом трущихся друг о друга старых барж. Пристань выглядела как декорация к фильму о конце света: остовы перевернутых лодок, горы гниющих

покрышек, ржавые цепи толщиной с запястье. Небо было низким, свинцовым, давящим на макушку.

Дебаркадер «Тихая заводь» оказался пришвартован вторым бортом. Чтобы попасть на него, нужно было пройти по узкой, качающейся сходне шириной в две доски. Анна посмотрела вниз. Черная вода плескалась в метре под ногами, скрывая в своей глубине топляк и арматуру. Один неверный шаг и ледяная октябрьская вода сомкнется над головой. Она сделала глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в коленях, и ступила на дерево.

Сходка пружинила и стонала. Каждый шаг отдавался в ушах грохотом. Когда нога наконец коснулась металлической палубы дебаркадера, ощущение было таким, словно она сошла на поверхность другой планеты. Палуба мелко вибрировала где-то внизу работал старый дизельный генератор, изрыгая черный дым из кривой трубы.

Он стоял там, прислонившись плечом к рубке. Марк.

Анна ожидала увидеть стереотипного речного волка бородатого, в тулупе. Но этот мужчина был иным. Огромный, широкоплечий, одетый в простую черную футболку, которая промокла на груди от речной влаги и потемнела. На нем были старые камуфляжные штаны, закатанные до колен, и босые ноги стояли на

холодном железе так уверенно, словно это был теплый песок. У него было лицо человека, который всю жизнь смотрел на воду против ветра: резкие складки у рта, квадратный подбородок, покрытый жесткой суточной щетиной, и глаза цвета того самого речного ила темно-карие, почти черные, в которых не отражалось небо.

Он окинул ее взглядом с головы до ног от дорогого кашемирового пальто, уже забрызганного грязью, до лаковых ботинок, совершенно непригодных для этой грязи. В его глазах не было любопытства. Только тяжелая, густая неприязнь. Посудомойка? голос прогудел низко, перекрывая шум генератора. Голос шел не из горла, а откуда-то из грудной клетки.

Анна вскинула подбородок. Годы в статусе примадонны кухни заставляли рефлексивно защищаться. Меня зовут Анна. Ваш бывший работодатель Илья Сергеевич сказал...

Мне плевать, что сказал городской кровосос, перебил Марк, отталкиваясь от рубки. Он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию. От него пахло крепким табаком, машинным маслом и чем-то диким, звериным. Твоя смена началась час назад. Вода в раковинах замерзнет через два часа. Топай вниз.

Он развернулся и пошел прочь, тяжело печатая босыми шагами по решетчатому настилу. Его спина была

широкой, как шкаф, мышцы играли при каждом движении. Анна осталась стоять одна посреди враждебной железной коробки, чувствуя, как дорогое пальто перестает держать тепло. Клаустрофобия сжала горло липкими пальцами. Здесь не было окон в пол. Здесь были маленькие круглые иллюминаторы, заросшие грязью, сквозь которые едва пробивался серый свет. Воздух был спертый, пахнущим плесенью, дешевым хозяйственным мылом и рыбой.

Она нашла трап, ведущий в утробу судна. Спустилась по крутой металлической лестнице, держась за поручни, скользкие от конденсата. Нижняя палуба жилая зона команды встретила ее тусклым светом желтой лампочки без абажура. Узкий коридор, справа двери в каюты, впереди общая кают-компания и пищеблок.

Марк ждал ее у входа в камбуз. Он молча кивнул на оцинкованную дверь в самом конце коридора. Каюта. Соседа нет, матрос уволился вчера. Считай, повезло. Душ общий, в носовой части. Горячая вода только пока работает движок. После полуночи не включать выбьет пробки.

Анна вошла внутрь. Пространство метр на два. Деревянная переборка, выкрашенная когда-то в белый цвет, теперь пошла пузырями от сырости. Подвесная койка, застеленная колючим шерстяным одея-

лом. Маленькое круглое окно-иллюминатор выходило прямо на уровень ватерлинии снаружи по стеклу ползали капли мутной воды. Запах здесь стоял невыносимый: вековая сырость, впитавшаяся в дерево, кислый дух нестиранных вещей и тот самый рыбный смрад, просачивающийся из вентиляции.

Она бросила рюкзак на койку. Звук удара показался оглушительным в гробовой тишине. Анна села, обхватив плечи руками. Зубы начали отбивать дробь то ли от холода, то ли от шока. Выше этого дна падать было некуда. Из шеф-повара со звездами в посудомойку на ржавое корыто. Острое чувство унижения смешивалось с паническим страхом. Она закрыла глаза, пытаясь дышать ровно, но стены каюты, казалось, медленно сдвигались, сдавливая ребра.

Скрипнула дверь. На пороге снова возник Марк. В руках он держал огромный брезентовый фартук цвета хаки, заляпанный белыми разводами соли, и толстые резиновые перчатки. Надевай, приказал он. И иди в цех. Полтонны леща ждет. Чистить чешую. Жабры рвать. Потроха собакам.

Анна посмотрела на свои руки. Тонкие пальцы музыканта, ухоженные ногти, кожа, никогда не знавшая работы грубее взбивания суфле. Я повар, сказала она тихо, но твердо. Я не разнорабочий.

Марк усмехнулся краем губ. Это была неприятная,

жесткая улыбка, от которой вокруг глаз собрались морщинки. Ты сейчас никто, отрезал он. Просто пара рук, которую мне одолжил Илья. Либо ты берешь нож и начинаешь работать, либо я выкидываю твой рюкзак за борт, а тебя следом. Решай. Время пошло.

Он ушел, оставив дверь открытой. Холод пополз по полу. Анна сидела еще минуту, глядя на брезент чудовища. Затем механически, как автомат, встала. Натянуть жесткие, вонючие перчатки поверх нежной кожи было пыткой. Фартук оказался огромным, завязки путались. Она справилась, подошла к зеркалу над крошечным рукомойником маленькому квадратiku размером с ладонь. Оттуда на нее смотрело бледное, осунувшееся лицо с синяками под глазами. Городская кукла. Посмешище.

Рыбный цех встретил ее адом. Низкий потолок, мигающая лампа дневного света, длинные металлические столы. И гора рыбы. Серебристые, еще живые на вид леги лежали огромной смердящей кучей. Они были ледяными.

Марк вернулся, толкнул к ней по столу деревянную разделочную доску и положил короткий, тупой тесак с расколотой рукоятью. Начни с этого угла, он указал на гору. До тех пор, пока эта куча не превратится в филе. Филешовать умеешь?

Анна сглотнула ком в горле. Она могла сделать съе-

добным даже картон, если потребуется. Это вопрос выживания. Она взяла рыбу. Лещ выскользнул из голых рук (перчатки оказались слишком велики), ударив ее хвостом по лицу. Разозлившись, Анна схватила его крепче. Хвостовой плавник резанул палец даже через толстую резину. Выступила кровь, тут же смешавшись со слезой на перчатке. Боль была острой, яркой.

Анна замер. Она почувствовала ее. Впервые за три месяца нервная система пропустила сигнал. Боль. Настоящая, живая. Не та фантомная агония рухнувшего бизнеса, а простая физическая реальность. Кровь капнула на серебристую чешую.

Шевелись, буркнул Марк из другого конца цеха, застачивая свой собственный устрашающего вида нож. Рыба греется. Протухнет будешь жрать сама.

Его равнодушная жестокость сработала лучше любого сочувствия. Злость поднялась горячей волной, смывая жалость к себе. Она перехватила тушку левой рукой, правой взяла тесак. Первое движение было корявым. Нож соскользнул с жесткой чешуи, чуть не лишив ее пальца. Но второе получилось лучше.

Ш-ш-шкряб.

Чешуя полетела во все стороны, разлетаясь серебряным дождем. Она впивалась в кожу шеи, попадала за ворот свитера, колола предплечья. Это было боль-

но. Это было мерзко. Рыбья слизь мгновенно пропитала перчатки, делая пальцы ледяными внутри резины.

Но мозг включился. Профессиональный инстинкт, похороненный под слоем пепла, дернулся. Анна сменила угол наклона ножа. Движения стали ритмичными. Скрежет металла о чешую вошел в резонанс с гулом генератора. Она начала видеть структуру. Вот граница между спинным плавником и боком. Вот линия, по которой нужно пустить лезвие, чтобы снять кожный покров одним пластом.

Она работала час. Или два. Время потеряло смысл. Спина взмокла под дорогой водолазкой, несмотря на холод цеха. Пальцы онемели от ледяной слизи и постоянного напряжения. Когда гора лещей уменьшилась наполовину, Марк подошел ближе. Он ничего не говорил, просто встал рядом и начал чистить рыбу своим ножом. Скорость его движений была пугающей: нож мелькал, превращая рыбу в скелет за секунды.

Анна украдкой взглянула на его руки. Короткие, мощные пальцы, въевшаяся грязь под ногтями, сеть мелких белых шрамов. Но кисти двигались абсолютно свободно, без малейшего намека на артрит или усталость. Это были руки абсолютного хозяина своего дела.

Внезапно Марк резко наклонился к самому ее уху.

Его горячее дыхание коснулось мочки. Ты неправильно держишь кисть, пророкотал он так тихо, что услышала только она. Сустав вылетит к утру. Расслабь большой палец. Позволь весу ножа делать работу. Ты борешься с железом, а оно всегда побеждает.

От неожиданности Анна вздрогнула и порезала руку. Глубоко. Брызнула кровь, настоящая, алая. Тесак звякнул о металл стола. Боль обожгла так сильно, что перед глазами поплыли темные пятна. Она прижала порез к животу, шипя ругательства.

Марк не отшатнулся. Он перехватил ее руку своими клещами-пальцами, разворачивая ладонь к свету. Его хватка была болезненной, но надежной. Он поднял ее конечность на уровень своих глаз, рассматривая рану. Близость стала вдруг оглушающей. Она чувствовала жар, исходящий от его массивного тела, запах его кожи смесь табака, пота и чего-то древесного, лесного.

Глубокий, констатировал он. Заражение получишь. Морская соль есть? Я... не знаю, выдохнула она, замороженно глядя на то, как пульсирует кровь в такт биению сердца.

Сейчас узнаешь, мрачно пообещал он.

Одним движением он поднес ее палец ко рту. Прежде чем Анна успела понять, что происходит, втянул кончик ее раненого пальца в горячий влажный рот.

Мир Анны сузился до точки контакта их тел.

Язык Марка прошелся по порезу. Это было грубо, интимно и абсолютно первобытно. Он высасывал кровь быстро, ритмично, прижимая языком края раны. Солоноватый вкус ее собственной крови смешивался на его языке с остаточным вкусом сигарет. Анна замерла, вцепившись свободной рукой в край стола так, что побелели костяшки. Сердце заколотилось где-то в глотке. Это не было медицинской помощью. Это было клеймение. Заявление прав собственности самым древним способом.

Он отпустил ее так же внезапно, как и взял. Выплюнул сгусток крови в сторону и вытер рот тыльной стороной ладони. Жить будешь, буркнул он, возвращаясь к своему столу и поднимая нож. В медпакет загляни потом. А сейчас работай. И палец береги.

Он отвернулся, полностью потеряв к ней интерес. Но воздух между ними изменился навсегда. Остаток ночи они чистили рыбу в звенящей тишине, стоя плечом к плечу. Но теперь Анна чувствовала каждое случайное касание его локтя о свое плечо как удар тока.

К четырем утра гора рыбы исчезла. Анна стояла, пошатываясь от усталости. Все тело ныло, пальцы не гнулись, поясницу простреливало болью. Но впервые за долгие месяцы голова была пустой. Ни мыслей об инвесторах, ни страха перед критиками. Только звон

в ушах и четкое осознание собственного тела каждая мышца болела, напоминая, что она все еще жива.

Марк подошел, вырвал у нее из рук тесак, небрежно швырнул его в мойку. Свободна, бросил он. Подъем в шесть. Завтрак команде. Яйца жарь. Если пережаришь будешь драить галюн зубной щеткой.

Он ушел вверх по трапу, оставляя ее одну в промозглом цеху. Анна прислонилась спиной к холодной стойке, закрывая глаза. Вкус меди и табака все еще оставался на губах отпечаток его рта. Страх никуда не делся, но теперь он стал острым, пряным. Опасным.

Она спустилась в свою сырую каюту, содрала с себя вонючие тряпки и упала на узкую койку. Железо кровати врезалось в бока. За тонкой стенкой тяжело дышала река, ударяя волнами о борт. Клаустрофобия больше не душила. Стены каюты казались не могилой, а броней.

Засыпая мертвецким сном истощения, Анна подумала, что Илья ошибся. Это не дно. Это самое твердое основание, которое только можно найти, когда всё остальное рассыпалось в пыль. И человек, который плюнул ей в рот ее собственную кровь, возможно, единственный, кто может научить ее снова ходить.

Глава 2. Штормовой шквал

Утро началось с тишины, которая звенела в ушах громче речного гула. Анна проснулась от того, что каята больше не вибрировала. Генератор молчал. Река за бортом перестала биться о железо привычным ритмом и теперь лишь глухо ворочалась, словно раненый зверь. Холод пробирал до костей даже сквозь два шерстяных одеяла октябрь на воде высасывает тепло из любого помещения быстрее сквозняка.

Она выбралась из койки, ежась. В воздухе висел запах озона и надвигающейся беды. Низкое небо стало чернильно-фиолетовым, почти сливаясь с темной водой. Деревья на берегу раскачивались так сильно, что их верхушки чертили рваные линии по свинцовому фону туч. Вода поднялась; обычно далекий песчаный пляж сейчас лизали грязные пенные языки волн.

Марк нашел ее в камбузе, когда она пыталась разжечь примус, чтобы согреть хотя бы чай. Он был уже одет полностью: тяжелые болотные сапоги, непромокаемая куртка, капюшон наброшен на голову. Лицо было жестким, собранным, лишенным всяких эмоций. Снимай халат, приказал он без предисловий. Надевай мой второй комплект. Резину поверх свитера. Живо.

Что происходит? голос Анны дрогнул. Паника, которую она сдерживала со вчерашнего вечера, снова царапнула горло.

Ледяной фронт идет, бросил Марк, роясь в рундуке под столом. Шквал. Если якоря не держат, нас сорвет. А дно здесь каменистое. Дебаркадеру один удар и мы пойдем ко дну вместе с этой ржавой лоханью.

Он швырнул ей плотный прорезиненный плащ и сапоги. Анна начала переодеваться прямо там, сбрасывая мягкую фланель домашней одежды на мокрый пол. Пальцы не слушались, путались в пуговицах. Когда она натягивала жесткие штаны Марка, его взгляд мазнул по ее ногам, длинным и бледным в резком свете лампы. На секунду в его глазах мелькнул мужской интерес, но тут же утонул в ледяной сосредоточенности профессионала.

Время вышло, рыкнул он, хватая ее за локоть железной хваткой и вытаскивая на палубу.

Удар ветра сбил Анну с ног. Она упала бы, если бы Марк не держал ее. Дождь хлестал горизонтально, впиваясь в кожу тысячами ледяных иголок. Небо окончательно рухнуло вниз. Волны перестали быть волнами это была сплошная стена черной воды, перехлестывающая через низкий фальшборт дебаркадера.

Цепляйся! крикнул Марк, перекрывая рев стихии.

Они бросились к носовой части. Якорная лебедка работала на последнем издыхании, электромотор визжал, пытаясь удержать многотонную махину против течения, ставшего бешеным. Марк прыгнул на скользкий нос, лег на живот, обмотав страховочный трос вокруг запястья, и попытался сбросить запасной «мертвяк» тяжелый бетонный блок с цепью.

Анна осталась у рубки. Ее трясло. Не от холода от абсолютного ужаса перед равнодушной мощью природы. Городская жизнь давала иллюзию контроля. Здесь контроля не было. Была только смерть, летящая на них со скоростью поезда.

Раздался оглушительный скрежет. Звук лопнувшей стали. Носовой канат лопнул как гнилая нитка. Дебаркадер дернулся, накренился градусов на тридцать вправо. Мебель внутри полетела на одну стену. Анна вскрикнула, вцепившись в леер ограждения. Вода захлестнула палубу, ледяным потоком пронеслась мимо ее ног, затягивая в шпигаты мусор и рыбью чешую.

Марк полз обратно, промокший насквозь, похожий на утопленника. Его лицо было белым, но глаза оставались ясными. Держись центра! Центр тяжести! прохрипел он.

Второй толчок был страшнее. Удар такой силы, что у Анны клацнули зубы. Заднюю часть судна занесло. Они разворачивались боком к течению. Сейчас волна

просто перевернет их.

Машинное! закричал Марк. Клапана сброса давления! Если вода зальет дизель на ходу взорвемся!

Он потащил ее за собой к люку в палубе, ведущему в самое нутро судна. Скобы лестницы были покрыты слизью и льдом. Спускаться пришлось в полной темноте, ориентируясь только на гул работающего двигателя вниз.

Когда они спрыгнули на стальной настил машинного отделения, вода встретила их по колено. Здесь пахло горячим маслом, выхлопом и смертью. Единственный свет шел от контрольных лампочек на панели управления. Огромные поршни ходили вверх-вниз с гипнотической медлительностью, обнажая хромированные детали. Но уровень черной ледяной воды на полу стремительно рос. Где-то снаружи, в корпусе, зияла пробоина.

Там! Марк указал на массивный латунный штурвал аварийного клапана осушения. Он находился на противоположной стороне отсека, прямо за открытым вращающимся карданным валом.

Вода уже поднималась выше колен, обжигая холодом даже через резину сапог. Течение в узком пространстве усилилось вода устремлялась к пробоине, создавая опасные воронки.

Я не пройду туда! закричала Анна, глядя на крутя-

щийся металлический стержень толщиной с дерево. Одно касание и руку оторвет. Меня затянет под него!

Затопит двигатель нам конец! Марк оттолкнул ее к переборке, прижимая спиной к холодной стали, чтобы хоть немного защитит от потока. Стой здесь. Не двигайся. Если меня собьет с ног лезь на трубу котла. Выше!

Он шагнул в бурлящую воду. Каждый шаг давался ему с видимым трудом течение пыталось свалить гиганта с ног. Вода дошла ему до пояса. Марк расставил руки для баланса, двигаясь боком, приставными шагами. Мышцы спины и бедер вздулись буграми, удерживая равновесие.

Анна смотрела на него, понимая, что видит последние минуты жизни этого человека. Если его затянет под вал или ударит о переборку куском льда, который несла река, она останется одна в железном гробу, который медленно заполнится водой.

И вдруг паника отступила. Остался только холодный расчет. Страх за него оказался сильнее страха смерти.

Левее возьми! крикнула она, указывая на пенящийся водоворот у левого борта. Там струя слабее! Используй поручень!

Марк услышал. Корректировка движения. Еще шаг. Ближе к цели. Вода доходила ему уже до ниж-

них ребер. Каждое движение требовало колоссальных усилий.

В этот момент судно содрогнулось от нового удара они заделали подводный камень. Свет мигнул и погас. Машинное отделение погрузилось в красноватый полумрак аварийных ламп.

Анна закричала, но звука не было горло перехватило спазмом. Она видела только силуэт Марка на фоне тусклого багрового свечения. И блеск металла.

Вал продолжал вращаться. Теперь он стал невидимой гильотиной. Марк добрался до клапана. Обхватил холодный металл ладонями. Навалился всем весом. Разворот плеч. Глухой стон гидравлики. Поток черной жижи из забортных отверстий сменил направление вместо того чтобы заливать отсек, помпы начали выталкивать воду наружу.

Но цена спасения оказалась мгновенной. При развороте корпуса очередная скрытая волна ударила Марка в спину. Ноги потеряли опору. Его понесло течением прямо на открытый участок вращающегося вала.

Время для Анны замедлилось. Она увидела, как его тяжелое тело теряет баланс, как правая рука тянется назад в попытке ухватиться за воздух. Как блестящий стальной стержень летит навстречу его грудной клетке.

Не думая, действуя на чистом инстинкте выживания стай, Анна оттолкнулась от переборки. Она нырнула головой вперед в ледяную купель, игнорируя шоковый спазм легких. Вода обожгла огнем. Она схватила Марка за штанину комбинезона, используя инерцию своего тела как противовес, повиснув на нем мертвым грузом, отклоняя вектор его падения в сторону от вала.

Они рухнули в воду вместе. Удар выбил дух. Мир сузился до пузырей воздуха и боли в ушах от перепада давления. Вал прошел в десяти сантиметрах от головы Марка, обдав их лица ветром и запахом раскаленного масла.

Анна барахталась, пытаясь найти опору. Сапоги наполнились водой и тянули на дно. Марк пришел в себя мгновенно. Инстинкт самосохранения у таких людей работает лучше разума. Он сгреб ее в охапку одной рукой, второй намертво вцепился в защитный кожух двигателя, останавливая их скольжение в бездну.

Тихо, пророкотал он прямо ей в макушку, перекрывая шум воды. Замри. Просто замри.

Они стояли посреди тонущего ада. По пояс в ледяной черной жиже. Уровень воды перестал расти насосы справлялись, но температура внутри железа падала. Гипотермия придет через десять минут.

Марк развернул ее лицом к себе, прижимая к огром-

ному горячему цилиндру главного дизеля. Жар трубы проникал даже сквозь мокрую резину, обещая ожог, но даря жизнь. Их тела соприкоснулись вплотную. Мокрая одежда облепила их, лишая всякого подобия личного пространства.

Анна дрожала так сильно, что стучала зубами о его ключицу. Зуб на зуб не попадал. Адреналин схлынул, оставив после себя пустоту и осознание близости гибели. Она посмотрела в его лицо. Капли воды стекали по его скулам, по губам. В багровом свете аварийных ламп он выглядел как древний бог разрушения и спасения одновременно.

Ты... ты могла погибнуть, выдохнул он. Голос сел, потеряв обычную командную сталь. В нем звучало нечто иное первобытный ужас мужчины, увидевшего свою женщину (свою?) под лезвием косаря.

Ты тоже, прошептала она. Губы едва шевелились. Их взгляды встретились. Расстояние исчезло. Между ними не было ни города, ни реки, ни социальных статусов. Только двое людей в металлической коробке, чудом избежавшие смерти.

Марк медленно наклонил голову. Это не было нежностью. Это было клеймением. Заявлением прав выжившего. Его губы прижались к ее губам жестко, властно, раздвигая их языком без спроса. Вкус поцелуя был соленым от речной воды, горьким от адрена-

лина и металлическим от крови он прикусил ее нижнюю губу в процессе борьбы со стихией.

Анна ответила с той же голодной жадностью. Это не было романтикой. Это был секс-катастрофа. Способ доказать друг другу, что сердца все еще бьются. Ее пальцы вцепились в его мокрые волосы, притягивая огромную голову ближе, пока его руки мяти ее спину, ощупывая каждый позвонок сквозь мокрую ткань, утверждая право собственности.

Он приподнял ее, заставляя обвить ногами его талию. Холодная резина его штанов терлась о ее бедра, но между телами, прижатой к раскаленному металлу трубопровода, разгорался настоящий пожар. Марк вошел в нее одним резким движением, не тратя времени на прелюдии. Прямо стоя, среди ледяной воды, под аккомпанемент умиряющего двигателя и шипение пара.

Это был самый грубый, самый честный акт любви в жизни Анны. Никакой эстетики, никаких шелковых простыней. Только влажный хлопок, скрип кожи, жар трубы, прожигающий лопатки, и тяжесть мужского тела, вбивающего ее в эту самую трубу. Каждая судорога оргазма была протестом против смерти. Она кончала долго, иступленно, кусая его плечо, чтобы не кричать, пока он вбивал в нее свое имя каждым мощным, глубоким выпадом, заполняя собой ту пустоту,

куда чуть не хлынула речная вода.

Когда всё закончилось, они остались стоять в той же позе. Сердца колотились в унисон, сотрясая грудные клетки. Вода вокруг бедер казалась кипятком после внутреннего жара. Марк тяжело дышал ей в шею, не делая попыток отстраниться. Его эрекция все еще пульсировала внутри нее, доказывая, что он жив.

Насосы справляются, прохрипел он наконец, нарушая вязкую тишину. Но если мы не снимем одежду, через пять минут станем сосульками.

Анна кивнула, пряча лицо у него на груди. Слезы смешивались с речной водой на щеках. Она плакала не от горя. От облегчения. От того, насколько острой может быть жизнь на самом краю пропасти.

Секс среди труб водоснабжения стер границу между посудомойкой и хозяином. Лед отчуждения треснул окончательно, обнажив горячую, пульсирующую магму взаимного притяжения. Теперь они были связаны не контрактом Ильи, а общей тайной выживания. И вкусом соли на губах.

Глава 3. Чужой фарватер

Гудок чужого судна прозвучал на реке как пощечина. Это был не хриплый, надрывный рев старого дизеля дебаркадера и не сиплый свист буксира. Это был высокий, технологичный звук синтезированный баритон дорогой игрушки. Анна стояла на корме с ножом в руке, разделывая судака для вечерней ухи, когда тень закрыла солнце.

Она подняла глаза. У борта «Тихой заводи» пришвартовался катер. Не просто катер белоснежная шестидесятитысячная яхта класса люкс, гладкая, как китовая спина, пахнущая дорогим пластиком и озоном. Сходня легла на палубу дебаркадера с мягким пневматическим шипением, абсолютно бесшумно.

Первым сошел охранник в черном, профессионально сканируя пространство взглядом цербера. Вторым появился Илья.

Три дня без интернета и горячей воды изменили Анну. Ее волосы выгорели на солнце до цвета соломы, кожа обветрилась и пошла мелкими морщинками у глаз от постоянного прищуривания на ветру, а руки покрылись сеткой мелких шрамов и ожогов от пара. На ней была старая мужская футболка Марка, обрезанная выше пупка, и заляпанные рыбьей чешуей штаны.

Она выглядела как бродяжка, случайно забредшая на выставку миллионеров.

Илья замер на сходне. Его костюм-тройка из тонкой шерсти стоил больше, чем весь дебаркадер вместе с грузом рыбы. Идеально уложенные волосы, ослепительно белая улыбка, швейцарские часы на загорелом запястье. Он смотрел на нее так, словно увидел призрак, выбравшийся из склепа. Господи, Аня, выдохнул он, наконец ступая на ржавую сталь. Что ты с собой сделала? Ты похожа на беженку из Сомали.

Его голос действовал как инъекция ледокаина. Привычный, лощеный тон человека, который привык покупать мир пачками наличных. Охранник встал за его плечом, сложив руки перед собой, отсекая путь к бегству.

Анна вытерла нож о тряпку и воткнула его в деревянную колоду. Руки дрожать перестали. Страх ушел еще вчера ночью, в холодной воде машинного отделения. После того как Марк вбивал ее в раскаленную трубу двигателя, пугаться мужчины с маникюром было физически невозможно.

Рыба сама себя не почистит, Илья, ровно ответила она. У тебя есть пять минут, пока я не закончу филе. Говори.

Илья брезгливо оглядел палубу. Заметил пустые бутылки из-под дешевой водки, сети, сохнувшие на лее-

ре, облупившуюся краску. Его лицо исказила гримаса эстетического страдания. Я приехал забрать тебя отсюда, начал он тем самым покровительственным тоном, которым три года назад объяснял ей, почему их первый ресторан должен стать франшизой. Твой контракт посудомойки аннулирован. Мой юрист уже выплатил этому... аборигену компенсацию. Мы улетаем сегодня вечером. У меня презентация флагмана через два дня. Тебе нужно привести себя в порядок. Бассейн, массаж, стилист. К вечеру ты должна выглядеть как человек, а не как портовый грузчик.

Он протянул ей руку. Белоснежные манжеты рубашки стягивали золотые запонки. От него пахло успехом сухим, стерильным запахом денег, бумаги и кондиционера.

Анна даже не посмотрела на его руку. Она взяла следующий нож. Движение кисти было отработанным до автоматизма вспороть брюхо, вытащить внутренности одним движением, бросить требуху в ведро. Мне здесь нравится, сказала она, глядя только на серебристую чешую. Здесь тихо. И еда настоящая.

За спиной Ильи раздался тяжелый скрип металла. Марк вышел из-за надстройки рубки. Если Илья был символом будущего, то Марк был воплощением самой земли. Он шел тяжелой походкой хозяина территории. На нем были только холщовые штаны, зака-

танные до колен. Грудь блестела от пота и мазута он явно только что вылез из нутра двигателя, где провозился все утро. В руках он держал огромный гаечный ключ, перемазанный черной смазкой. Под ногтями была крошечная тьма.

Марк остановился в пяти шагах от них, прислонившись плечом к мачте. Он ничего не говорил. Просто стоял, широко расставив ноги, и медленно переводил взгляд своих темных глаз с идеально выбритых щек Ильи на свои собственные грязные предплечья. Затем снова на гостя. Это был язык тела альфа-самца, обозначающего границы: «Ты находишься на моей территории, городской. Не дури».

Илья почувствовал напряжение спиной. Он обернулся, смерил Марка взглядом сверху вниз, оценивая финансовые риски физической конфронтации, и презрительно усмехнулся. Твой сторожевой пес? спросил он у Анны, кивнув в сторону Марка. Надеюсь, ты не подхватила тут паразитов или деревенский акцент. Хотя запах... тебе придется провести неделю в карантине.

Слово «пес» повисло в воздухе. Марк медленно положил гаечный ключ на планширь. Звук удара тяжелого железа о сталь прозвучал громче выстрела. Он оттолкнулся от мачты и сделал шаг вперед. Вода капала с его мокрых волос на плечи.

Анна почувствовала, как внутри натянулась струна. Она знала этот тип мужчин. Городские хищники вроде Ильи привыкли, что такие медведи, как Марк, отступают перед блеском платиновой карты. Они ошибались. Мужчины реки играют по правилам первобытного мира. Там статус измеряется не толщиной кошелька, а способностью выжить в ледяной воде.

У тебя течет галстук, вдруг сказал Марк. Голос его был низким, лишенным эмоций, но вибрировал от скрытой угрозы. Узел затянут неправильно. Выглядит дешево для такого костюма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.